

УДК 1(091): 316(7)

**О полилогичности диалога
в свете его философского толкования в XX веке**

**On dialogue multiple constituents concept
inspired by four XX century philosophers**

Андрей Анатольевич Богатырёв

(Тверь, ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет»)

Диалог как философское понятие рассматривается в контрастных контекстах понятийного толкования, выступающих в качестве основания для типологии; обосновывается полилогическая модель диалога.

Dialogue has been reassessed from philosophical point of view as a term marked by numerous distinct meanings, concepts and interpretative sets. On the other hand the problem of significant dialogue constituents is given consideration.

Key words: l'autre, otherness, dialogue concept and its constituents

Ключевые слова: диалог, другой, полилогичность диалога

Настоящая статья посвящена освещению вопроса о соотношении понятий *диалог*, *полилог* и *другой* в межличностном общении. В статье рассматриваются нетождественные определения диалога в академической литературе; предпринимается попытка исчисления основных актантов диалогического общения в *философском* освещении. В заключении предлагается типология подходов к определению понятия диалога в академическом философском дискурсе.

Прежде чем перейти к изложению тезисов подчеркнем, что настоящая статья не претендует на участие в клубных дискуссиях обществ Бахтиноведения и Сократологии. В фокусе внимания статьи находится

понятие диалога во всей простоте наивного вопрошания о терминах, не связанной каким-либо специальным интересом или подтекстом. В частности, в задачу статьи не входит собрать воедино *все* высказывания того или иного автора о диалоге. Понятие диалога в статье рассматривается нами сначала в свете положительных определений, затем в свете отрицательных определений, далее в свете конкретизации и в конечном итоге – в свете типологии конкретизаций. На этапе конкретизации мы обращаемся к языку философии XX века в целях прояснения конечных целей диалога и межличностного разговора. Используется прием диалогизации философских концепций и интерпретационных установок М.М. Бахтина, М. Бубера, Э. Левинаса, Г.-Г. Гадамера. Предлагаемый в статье подход к трактовке понятия диалога, хотя и рассматривается как *срединный*, тем не менее, представляется автору *одним из многих* возможных и приемлемых.

1.1. Положительное определение диалога

Понятие диалога изначально широкозначно, диафорично. Именно этим обстоятельством объясняется способность данного понятия к расширению, растягиванию, к *самоиронии*, несовпадению с самим собой, а также элемент отчужденности понятия диалога по отношению к понятиям-дериватам – диалектика, диалогичность, диалогизм, диалогические связи. Например, под последними в общем случае имеется в виду едва ли не любые интерпретационные возможности / перспективы, а под первой из ряда нечто прямо противоположное диалогу [cf. 1: 731-732].

В самом широком приближении понятие диалога соразмерно понятиям семиозиса, общения, смыслового обмена, языка, культурного пространства и т.д. Мы в данном случае рассматриваем понятие диалога как *видовое* по отношению к понятию человеческого общения. Человек *выбирает* диалогическое общение. Мы исходим из того допущения, что хотя природа человеческого общения в широком приближении *диалогична*, стиль актуального общения далеко не всегда соответствует стандарту

диалогической коммуникации / *диалога* в тесном философском понимании одного, свойственном философии XX века.

В этой связи «элементы диалогичности», «диалогические связи», обнаруживаемые при желании исследователем жанров недиалогического общения в любых количествах не могут выступать аргументом в преодолении поэтологической границы между диалогом и не-диалогом. Мы также не считаем здесь необходимым вдаваться в подробности жанровых различий между солилоквием, монологом и т.д., которые могут несколько не способствовать углублению представления о диалоге.

Из всех путей к определению диалога мы придерживаемся наиболее «жесткого», ригидного. Под диалогом в общем случае понимается особый *тип общения* между двумя или несколькими коммуникантами [cf. 4: 108]. При этом видовые характеристики диалога (например, такие выделяемые М.М. Бахтиным виды как «диалог-спор» или «диалог-согласие») *не могут* использоваться как пограничные или переходные в родовом отношении. Градации видов диалога возможны, но только в пределах одного рода. В бытийном отношении диалог нами понимается так же, как на уровне обыденных дискурсивных практик – как нечто, что может либо иметь место быть, либо вовсе не состояться.

1.1.1. Расстояние между коммуникантами /диастема и диастасис/

Структура диалогического взаимодействия имеет множество описаний в литературе по коммуникативным исследованиям, трудах по лингвистике и теории коммуникации и философских штудиях. При этом инвариантными элементами базового описания неизменно выступают как минимум пара коммуникантов, контакт, ситуация или контекст, код / язык сообщения и сообщение, с передачей которого и связано представление о коммуникативной транзакции (cf. [14]). Данное базовое представление не вызывает возражений на подготовительном этапе критики диалогического характера общения. Замечание, о том, что акт коммуникации (речи)

предшествует языку с достаточной ясностью отражено в восьмой антиномии В. фон Гумбольдта (1767-1835), затем заново осмыслено Л.В. Щербой [6;13]. И не менее весомое замечание о динамической природе понимания в (диалогическом) общении схвачено в девятой антиномии В. фон Гумбольдта – антиномии понимания и непонимания. Примечательно другое обстоятельство. Важный источник этих двух антиномий слабо отражен в базовой модели диалогической коммуникации, которая как будто не замечает содержательных различий между коммуникантами. Как нам представляется, такого рода исключение *плана индивидуальности* выводит за пределы анализируемого весьма существенное свойство диалогической коммуникации как *коммуникации с другим*. /Собственно разработка представления о другом, одухотворение понятия другого, попытка противостояния дегуманизации социального бытия и составляет философскую сторону диалогического общения как проблемы, к решению которой приступили философы XX века./

В этой связи понятию диалога, на наш взгляд, предшествует понятие *диастема* (различие – греч. [4: 318]) как фиксированное несовпадение / несоответствие языков (позиций / смысловых миров / точек зрения / телесных оболочек / топоним / интересов /внутреннего мира), то есть всего того, что может как-то характеризовать, но не может исчерпать понятие *другого*. В динамическом приближении понятию диалога как понятию процессуальному должна соответствовать такая пара терминов, которая обозначала бы моменты согласия (не как отсутствия возражений, а как симфонии) и *диастасиса* (расстояние, противостояние, конфронтация, различие – греч. [4: 318]), трактуемого как акт и фаза расхождения, отпадения позиций коммуникантов от гармонического единства целого. Достаточно традиционная трактовка диалога как динамической системы вызовов и ответов в таком случае получает схематических вид последовательно сменяющихся фаз монады и диастасиса, новой монады и нового диастасиса.

Следует также подчеркнуть, что когда мы прибегаем к форманту «диа», мы не непременно ограничены лишь двумя элементами. Так, говоря о диахронии, мы склонны выделять стадии развития некоторого процесса, а не останавливаться на двух крайних точках. Диатоникой в музыковедении называется «семиступенная интервальная система, в которой все звуки могут быть расположены по чистым квинтам». Диаграмма изначально означает линию, рисунок, геометрическую фигуру и т.д. «Диа» означает разделенность во времени или в пространстве [4: 301]. Диодолами называют сменяющих друг друга преемников на престоле. Но ближе к диалогу стоит глагол “*dialegomai*”, означающий «переговариваться», вести переговоры (*ibidem*). Кроме того в материнском языке термина в формате «диа» подчеркивается значение взаимности действия, а также соревновательного начала (*ibidem*). Вектор направленности действия в форманте «диа» найдем в термине диабазис, означающем переход, переправу (*ibidem*: 302).

2.1. Отрицательное определение диалога

Диалог в модусе качественной определенности речи есть отрицание монологического начала в коммуникации. Иными словами, диалог двоих не есть сумма двух монологов. И монолог в форме диалога (команда и раппорт) не может быть назван диалогом в сущностном понимании одного. Сама диалектика противоположна диалогу, как о этом пишет М.М. Бахтин [1: 731-732, 196]. И в этом пункте мы сталкиваемся с заметным противоречием в определении диалогического начала в частности в педагогической коммуникации.

2.2. Глубинный диалог не есть то же, что форма делового сотрудничества. Обсуждение и согласование различных позиций в деятельности в целях определения нормативов одной также не непременно включается философом в понятие диалога, поскольку покоится на той нивелирующей различия посылке, что содержание понятия *другого* может

исчерпываться его позицией в деятельности. Такова планида философии, что ее привлекают преимущественным образом неисчерпаемые предметы.

2.3. Заимствование понятий (и форм) имеет черты диалога. Более того, оно отвечает также требованию услышанного слова [1: 323, 330, 344etc.] общего слова, общего языка. Но фактически мы можем наблюдать тот факт, даже заимствуемое слово (элемент языка!) обычно обрастает иными коннотациями во исполнение девятой антиномии В. фон Гумбольдта – «всякое понимание есть также непонимание» [6]. Так, из французского языка в русский пришло выражение «дама Бальзаковского возраста». Однако при переходе границы из обихода одного языка в другой имеющаяся в виду дама успела повзрослеть лет «на дцать». Знак в новой знаковой системе обрастает новыми связями и зачастую утрачивает прежние, в силу чего именно слова заимствованные часто становятся ложными друзьями переводчика.

2.4. Бесконечность диалога в концепции М.М. Бахтина. Отрицательное определение диалога также связано с признанием принципиальной открытости его *границ*. Слова М.М. Бахтина «Диалог не может быть завершен» проникновенно указывают на суть диалога. Вызов не отменяется ответом, он сменяется новым вызовом, требующим нового ответа (ср. [1: 391]. Но если и найдется субъект, способный устоять в Бахтинском диалоге, то черты его скорее соответствуют родовому человеку, нежели простому смертному: «Нет ни первого, ни последнего слова и нет границ диалогическому контексту (он уходит в безграничное прошлое и в безграничное будущее) [1: 393]. Впрочем, если принять во внимание концепцию полифонического романа у М.М. Бахтина, то понятие «голоса» в ней вытесняет понятие индивида. Логическим завершением данного обстоятельства может быть помыслено отрицание индивидуальной души в ином смысле, чем оболочки, контейнера для извечных мыслей-«голосов», повторяющихся в *Большом времени* [1: 393]. «Голоса» в таком понимании, хотя время от времени бывают неслышны, всякий раз звучат чисто, не знают свойственных диалогам смертных осечек и фальшивых нот. Впрочем, здесь

затронута лишь одна из концепций диалога у русского философа, равно внимательного к человеку небесному и земному. В других произведениях М.М. Бахтин сближает понятия диалога, текста и поступка.

Стабильная нестабильность значения термина диалог накладывает отпечаток на построение теорий оного, которым в общем случае свойственна *эскизность* и *прерывность*. Здесь также нельзя исключить возможности того, что понятие диалога – инструментальное, и получает новое содержательное наполнение в зависимости от конкретных задач и конкретных смыслов, развертываемых исследователем здесь и сейчас. Из означенной посылки можно сделать тот вывод, что для понимания понятия диалога в трактовке того или иного исследователя статистический метод не подходит. В таком случае надежда связывается с реконструкцией, но и реконструкция подчас страдает детской той детской болезнью диалогизма, которая связана с установкой устанавливать образ истины исключительно из личной перспективы исследователя. В то же время диалог в Большом времени не может быть просрочен. Богослов Августин Блаженный (354 – 430 a.d.) обретает ученика и продолжателя в лице Беды Достопочтенного (673 – 735 a.d.) спустя несколько веков.

3.1. Конкретизация модели диалога

Современный социальный заказ на разработку проблематики *межкультурного диалога* обусловлен стремительным развитием социокультурной ситуации в мире, обусловленным оживлением миграционных процессов. В этой связи предпринимаются прикладные и теоретические исследования национального менталитета, национальных стереотипов, конвенций общения, культурных лакун и т.д. И полученные данные действительно многое объясняют в коммуникативном поведении представителей различных социокультурных общностей. При этом методологическая база таких исследований вовсе не обязательно определяется представителями гуманистической философской школы. Увлечение статистическими данными, отчасти являющимися результатами

работы идеологической машинерии СМИ, натурализация представлений о представителях конкретных культурных традиций формируют известную диастазу в отношении теории диалога как проявления свободы воли отдельного индивида. Впрочем, не на это ли обстоятельство прямо указывает Н.Н. Зубков в рецензии на монографию В.С. Библера, когда отзывается на трактовку автором культуры как диалога культур следующим образом: «Это так, однако не насущней ли такое понимание для Библера (где личность находит себя в одной из приемлющих дискретных культур – типов Разума), чем у самого Бахтина, у которого всякая личность есть – та культура, которая ведет бесконечный диалог с другими мирами – культурами?» [8: 171]. Однако и здесь несложно заметить тень упрощения представления о личности. Упрощение имеет место всякий раз, когда личность берется как устоявшаяся, застывшая в некотором статическом состоянии культурная монада, тогда как душа живого человека выступает полем противоборства ряда различных культур. Диалог с самим собой разным не только возможен, он актуален.

Диалог может пониматься как целенаправленное движение общающихся к некоторому горизонту, хотя бы и основанное на отчасти несовпадающих образах оного. Диалог с самим собой также возможен; и он также включает в себя обозначенные в сознании нетождественные жизненные позиции по отношению к миру и месту человека в нем; он также включает момент конфронтации, состязания и даже некоторого суда над побежденным. Диалог, допустим, ведомый двумя, содержательно богаче исходных позиций, хотя бы и рассматриваемых с точки зрения динамики противоборства оных двух.

Управляемый диалог предполагает учет некоторых дистинкций, способствующих его успешности. К таковым должны быть отнесены учитываемый говорящим образ говорящего в глазах слушающего, не совпадающий в точности, а также бытийной и содержательной полноте с самим говорящим. Сюда же должен быть отнесен и раскрывающийся в актах

коммуникации динамический образ его визави, как представляющий его, но не во всем тождественный ему. И этот образ другого и образ первого должны быть учтены как актуальные и интерпретируемые двояким образом – как образ, понятный для себя и как образ, интерпретируемый партнером по переговорам. Иными словами в диалоге между двумя каждый из двоих выступает в трех динамических ипостасях (для себя, для другого и как есть, то есть отложенный в еще более далекую перспективу осмысления). Диалог с другим не исключает диалога с собой. Где еще и каким еще образом можно сверить позиции с внутренним цензором, когда продолжение диалога с другим на старых рельсах заходит в тупик и требует возобновления на иных, не принятых прежде основаниях?

3.1.1. Диалог есть путь к языку. Поразительно, но иногда приходится слышать, что в диалоге-согласии больше от диалога, чем в диалоге-споре. Между тем, для демонстрации согласия значительной работы над словом часто не требуются. (Впрочем, и это не более чем иллюзия. Любой человек, изучающий иностранные языки, вынужден много работать на родном языке имеено для того, чтобы освоить новый для себя язык. А язык другого – и есть новый язык.). В диалоге-споре слово способно превращаться в оружие, и оно невольно превращается в оное [cf. 9]. Диалог-спор – это еще и битва языков. Одно слово превозносится над другим, становится ключевым, головным, родовым, властным словом. Другое подчиняется ему либо изгоняется из ряда, заменяется некоторым полу-эквивалентом. Переименование Яика в Урал. Право на новацию, на введение нового слова присваивается лидером или сильнейшим [11: 77].

3.1.2. Есть нечто невидимое, неизменно стоящее на пути признания всякого внимательного и даже глубокого прочтения текста диалогом в тесном философском понимании. Во всяком случае, необходима уверенность в том, что общение осуществляется с живым человеком, а не с ископаемым индивидом или с автоответчиком. *Взаимность общения* предполагает

горизонт изменения в каждом из участников диалога. Другой – ключевое слово для философии диалога.

Среди представителей понимающей диалогической философии двадцатого века выделим Мартина Бубера (1878-1965), М.М. Бахтина (1895-1975), Эммануэля Левинаса (1906-1995), Ганса-Георга Гадамера (1900-2002). Последний из списка отчасти выпадает не только в плане лет жизни, но также терминологическом плане. Каждый из ряда известен поисками новых подходов в философском осмыслении подлинного межличностного общения как (жизненного) события, как социокультурного явления и как ценности. Философской является и сама сущностная постановка вопроса о межличностном общении. Ведению философии принадлежит и представление актуального контекста ее осмысления, выдвижение основополагающих понятий, тогда как решение теоретических и прикладных задач обычно проходит по ведомству лингвистики и других гуманитарных наук.

Понятию другого в философской традиции 20-го века уделялось достаточно много внимания, в особенности в тех направлениях поиска, которые занимались вопросами самости, экзистенции и самоопределения личности (экзистенциализм в различных его вариациях и альянсах, персонализм и т.д.). Наиболее мрачное восприятие неудачно выстроенных отношений с другими как угрожающих моему «я» обычно ассоциируется с угрюмой формулой Сартра (“L'enfer, c'est les autres”- "Ад - это другие"). Между тем завещание четырех избранных нами философов утверждает светлый образ другого как участника диалога.

Философское открытие М.М. Бахтина связано с обнаружением *в диалоге* пути человека к подлинному бытию, к нравственному поступку и через него к себе самому. Философское открытие Мартина Бубера связано с выявлением двух тенденций в общении – (1) тенденции к субъективации / одухотворению собеседника и (2) тенденции к объективации / десубъективации собеседника, к сведению его к уровню неодушевленного

предмета, вещи. В методическом приложении данное открытие объясняет источник возможности вступления индивида в диалогические отношения при общении с образами эпох, культур, легендарных личностей и больших человеческих коллективов [cf. 1: 353]. Но само философское открытие всегда стоит несоизмеримо выше своего инструментального приложения. Смысл живого общения («Я – Ты»-коммуникации по Буберу) видится в улучшении природы собственного «Я» вопреки объективирующей природе «Я – Оно»-коммуникации. Философское открытие Э. Левинаса связано с убедительным выявлением органической потребности человека в другом как источнике полноты «моего» смыслового мира, одухотворенного насыщенного переживаниями бытия души как укорененного в чувстве и отношении к другому [cf. 10: 618]. Любовь представляет собой *диалогическое чувство*.

Другой есть послание. По крайней мере так можно пытаться декодировать формулу Эмиля Левинаса (1905-1995) «знак самого подателя знака» [10: 597]. Характер другого как послания также верно указан Э. Левинасом как *бесконечный*, или, как мы бы выразились сегодня в терминах горизонтов ожидания, обладающий бесконечной перспективой. Пожалуй, что здесь под бесконечностью имеется в виду нечто иное, чем почти соборное Большое время М.М. Бахтина. И следует признать, в этой бесконечности другого сказывается нечто тревожное, тревожащее, внушающее беспокойство и неуверенность, связанная, возможно, с неустранимой возможностью диастасиса, непонимания, разрыва.

Здесь, в языке философии диалога мы сталкиваемся с неустранимым прекраснодушным мифом о слове (логосе), пережившем плоть. И здесь же мы сталкиваемся с некоторой непримиримой противоположностью между понятиями встречи, акта коммуникации и бесконечной перспективой развития межличностных связей и отношений во вселенной смыслообразования. В известном смысле вопрос о взаимоотношении встречи и бесконечности снимается в понятии о правосторонней бесконечности [15]. Но сохранение дискретной событийной единичности (а значит –

завершенности) в перспективе бесконечного диалога представляется проблематичным. Отсутствие заданных границ уподобляет диалог бесконечной шашечной доске с необозримым количеством игровых комбинаций.

Г.-Г. Гадамер в своей статье о способности к разговору как способности слышать собеседника и достигать услышанности собеседником предпочитает термину диалог термин *разговор* [5]. В свете такой основополагающей характеристики диалога как открытость, принципиальная незавершенность (в некотором не-промежуточном смысле) термин «разговор» представляется соответствующим той монаде понимания, в которой собеседники находят друг в друге послание, преобразующее таинственную природу как минимум одного из участников: «Разговором для нас было нечто такое, что потом оставило в нас какой-то след. Разговор не потому стал разговором, что мы узнали что-то новое, — нет, с нами приключилось нечто такое, с чем мы не встречались еще в собственном опыте жизни» [5: 87]. Но, пожалуй, более всего конечному горизонту разговора у Гадамера соответствует образ совершенной любви-дружбы: «тогда и возникает та общность, в которой каждый остается для другого одним и тем же, ибо каждый обретает себя в другом, изменяя себя по образу другого» [5 1991: 87].

Но как можно обрести себя в другом, когда даже и другого в другом рассмотреть стоит определенных усилий? И сколько актантов реально участвуют в диалоге двоих, чтобы мы должны были отличать себя в другом от другого в себе? М.М. Бахтин не вводит термина «полилогичность диалога», но по сути эксплицирует его, когда почти пунктиром (см. записи 1970-1971гг.) пишет об образе себя («моем образе меня самого»), о роде бытия этого образа и о таких образах как «я-для-себя», «я-для-другого», «другой-для-меня»[1: 370, 371]. Все эти образы и не только эти как раз и образуют круг взаимодействующих актантов диалога в его философском гуманистическом понимании. Но также через них говорят язык, культура и добрая воля.

Заключение

Приведенные представления о диалогическом общении по преимуществу состоят между собой в отношениях диастасиса (противоречия), прерывности рефлектируемого образа. В то же время, как нам представляется, они в их не-тождественности могут быть приведены к виду некоторого списка. В порядке суммирования мы предлагаем различать следующие подходы в попытке определения диалога:

(a) формально-лингвистический: диалог трактуется как обмен репликами между несколькими коммуникантами (т.н. репликовое единство);

(b) социально-интеракционный: диалог трактуется как общение, предполагающее совместное построение горизонтов прозрачности смыслов другого при осуществлении совместной деятельности, некоторого социального строительства;

(c) социокультурный: диалог трактуется как символорождающая практика совместного бытия, связанная с порождением / конструированием новых смыслов и понятий на стыке сознаний представителей различных культур;

(d) экзистенциальный, смысло-жизненный: диалог трактуется как поворотное событие в судьбе человека, встреча, изменение личного проекта своего «я»;

(e) духовный, аксиологический: диалог трактуется как путь возвышения человека над своим «я»;

(f) космологический: диалог бессмертных голосов на сцене театра Большого времени (в трактовке М.М. Бахтина).

В статической модели человека его природа завершена и не подлежит изменению. Диалог в рамках подобной модели играет роль своего рода адаптивного механизма, не способного внести ничего существенного в систему личных жизненных ориентиров. В прагматической модели человека его природа и судьба определены положением, интересами и готовностью к

решению насущных задач в социальном окружении, а также к борьбе за конкурентоспособность в социальной среде. В рамках такой модели диалог выступает в качестве языковой игры, в которой есть победители и побежденные. В модели личностного духовного роста, которую здесь можно отнести на счет Мартина Бубера, человек предстает как совершенствующийся в способности к переходу от «Я-Оно» коммуникации к «Я – Ты»-коммуникации. В пределах гуманистической динамической модели диалога человек предстает как переходное бытие, нуждающееся для восполнения своей неполноты во встрече с другим (и слышании голоса свыше). Полагаем, что учет отмеченных выше различных подходов к понятию диалога, полей определенности понятия диалога и соответствующего их наполнения может способствовать лучшей ориентации в ключевых установках текстов, так или иначе претендующих на статус диалогических.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445с.
2. Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. – М: Гнозис, 1991.
3. Бубер Мартин. Я и Ты. – М.: Высшая школа, 1993. – 177с.
4. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. – СПб.: издание автора, 1899. – 1870с.
5. Гадамер Г.-Г. Неспособность к разговору // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. – С.82-91.
6. Гумбольдт В.ф. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества /Пер. с нем. // Гумбольдт В.ф. Избр. труды по языкознанию. [Текст]. – М.: Прогресс, 1984. С.34-298.

7. Диалог // Словарь иностранных слов М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1950. – 450с.
8. Зубков Н.Н. Диалог о диалоге // Мировое древо: Международный журнал по теории и истории мировой культуры – Arbor mundi: World Culture: Theory and History International Quarterly. – М.: РГГУ, ИВГИ, 1992. – №1. – С. 158-172.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. Н.В. Перцова // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 387-415.
10. Левинас Э. Избранное: Трудная свобода/ Пер. с франц. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. - 752 с.
11. Лихачев Дмитрий. Статьи ранних лет. – Тверь: Издательство: Тверское областное отделение Российского фонда культуры», 1993. – 144с.
13. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428с.
14. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: “За и против”. М.: Прогресс, 1975. С.193-230.
15. Stevenson G.T. Time and Eternity: A Biblical Study [Электронный ресурс] // Режим доступа: [http:// www. tentmaker.org/books/time](http://www.tentmaker.org/books/time). – Дата обращения: 10.05.2012. – Загл. с экрана.